

И.Г. Ясавеев

КОНСТРУИРОВАНИЕ «НЕ-ПРОБЛЕМ»: СТРАТЕГИИ ДЕПРОБЛЕМАТИЗАЦИИ СИТУАЦИЙ

В статье рассматриваются контрриторические стратегии, используемые властными элитами для противодействия конструированию социальных проблем активистами социальных движений, правозащитниками, независимыми журналистами. Данный анализ основан на концепции дискурсивных ресурсов конструирования социальных проблем, предложенной П. Ибаррой и Дж. Китсьюзом. В частности, демонстрируется применение властными элитами стратегий натурализации, перспективизации, антитипизации, контрриторики неискренности и «опровергающих историй» по отношению к таким ситуациям, как нарушение прав человека в российской армии, коррупция, а также проблемам, конструируемым правозащитными организациями. Обозначается также ряд возможных стратегий противодействия самой контрриторике.

В современных обществах процессы формирования «повестки дня», т. е. определения приоритетных вопросов внутренней и внешней политики, имеют, как правило, сложный, многофакторный характер. Если институты гражданского общества сильны, то эти процессы в большей или меньшей степени демонополизированы, в них наряду с исполнительной и законодательной ветвями власти участвуют общественные организации, средства массовой коммуникации, научные сообщества и т. д. Если же гражданское общество развито слабо, то «повестка дня» устанавливается главным образом властными элитами, фактически навязывающими «свою» проблематику остальной части общества. Результатом является расходование ресурсов общества на «решение» одних проблем и фактическое игнорирование других ситуаций, которые могут быть не менее опасными.

Российское общество относится ко второму типу. Властные элиты, контролирующие наиболее влиятельные средства массовой коммуникации, в частности, федеральные телеканалы, при слабо развитой сфере общественных органи-

заций обладают монопольным правом формирования «повестки дня». Исследования информационных программ трех российских телеканалов — Первого канала, «России» и НТВ — показывают, что приоритетные позиции в формируемой ими публичной «повестке дня» занимают проблемы терроризма, преступности, употребления наркотиков, в конечном счете, выигрышные для правящей элиты (Ясавеев 2006). Их «актуальность» оправдывает действия по «укреплению вертикали власти», финансовую и символическую поддержку силовых структур и использование репрессивных стратегий социального контроля. В то же время такие явления, как алкоголизация населения, натурализация коррупции, повсеместные нарушения прав человека, отсутствие независимой судебной власти, насилие в семье и многие другие, находятся за рамками публичного дискурса (Ясавеев 2004: 79–82).

Одним из направлений социологии социальных проблем, «проясняющих» вопрос о том, почему одни ситуации наделяются статусом социальных проблем, а другие этого статуса лишены, является *конструкционистский подход* к социальным проблемам. Данный подход сосредоточивается на исследовании процессов определения тех или иных ситуаций как нежелательных, пагубных, опасных, угрожающих. При этом современные теоретики данного подхода открыто заявляют о том, что они не призывают отказаться от проведения традиционных объективистских исследований, т. е. от изучения преступности, бездомности, безработицы и т. д. как объективных социальных условий. Как указывает Д. Лазик, это можно представить как академическое разделение труда: «Кто-то может изучать объективный мир. Конструкционисты же сосредоточиваются на *смыслах*, которые люди создают в нашем мире» (Loseke 2003: 14). Представители различных подходов, — отмечает Лазик, — задаются вопросами о различных аспектах жизни, и отрицать важность каких-либо теоретических рамок означает ограничивать понимание происходящего (Там же: X). Сходной точки зрения на отношения объективизма и конструкционизма придерживается Дж. Бест: «Конструкционистский подход не требует от социологов прекратить исследование объективных условий. Аналитики, интересующиеся, скажем, бедностью, могут по-прежнему стараться подсчитать число бедных или выявить причины бедности или как-то еще изучать бедность как социальное условие. Однако конструкционисты утверждают, что понимание бедности *как социальной проблемы* требует иного подхода. В самой природе бедности нет ничего, что делало бы ее социальной проблемой; во многих обществах бедность воспринималась как нечто само собой разумеющееся, как естественная часть социального порядка, т. е. не считалась социальной проблемой. Бедность становится социальной проблемой только тогда, когда люди определяют ее как вызывающую беспокойство, когда они заявляют о том, что она проблематична» (Best 2003: 982).

Основные идеи конструкционистского подхода к социальным проблемам разработаны М. Спектором и Дж. Китсьюзом (Spector, Kitsuse 1977). Сущность его заключается в рассмотрении социальных проблем как *риторики*. Социальные проблемы, с данной точки зрения, — это конструкции, создаваемые индивидами или группами посредством выдвижения утверждений-требований (*claims-making*): конструируя социальные проблемы, члены общества *утверждают*, что существует вредное социальное условие, и *требуют* его устранения или из-

менения. Формами конструирования социальных проблем являются, согласно Спектору и Китсьюзу, ответы на вопросы анкет или интервьюеров при обследованиях общественного мнения, обращения с жалобами и письмами протеста, предъявление судебных исков, выступления в парламенте, проведение пресс-конференций, распространение «проблематизирующих» сообщений средствами массовой коммуникации, проведение митингов, пикетов, демонстраций, маршей протеста, забастовок (Спектор, Китсьюз 2001: 162).

Социологи-конструкционисты поднимают также вопросы о властных ресурсах конструирования социальных проблем и депроблематизации ситуаций. Одной из наиболее интересных концепций, разработанных в рамках конструкционистского подхода, является модель публичных арен С. Хилгартнера и Ч. Боска (Hilgartner, Bosk 1988). Согласно данной концепции, социальные проблемы *конкурируют* между собой за то, чтобы попасть в публичную «повестку дня». Конкуренция между социальными проблемами вызвана ограниченностью таких ресурсов, как *пропускная способность* публичных арен (исполнительная и законодательная ветви власти, средства массовой коммуникации, общественные организации, религиозные и т. д.). Например, телевидение, радио, газеты, Интернет-сайты не могут сообщать обо всем, что происходит в обществе. Их пропускная способность ограничена рамками эфирного времени информационных программ, газетными площадями и пр. Вследствие этого в рамках публичных арен постоянно осуществляется отбор социальных проблем, т. е. принимаются решения о том, какие проблемы являются в настоящий момент более важными, заслуживают внимания, обсуждения и тех или иных действий. При этом значительный успех какой-либо проблемы в такой конкуренции обычно сопровождается вытеснением других социальных проблем на периферию или за пределы публичного дискурса. Ключевой вопрос концепции Хилгартнера и Боска: *каким требованиям должна соответствовать социальная проблема для того, чтобы с успехом выигрывать конкуренцию с другими проблемами за место в «повестке дня»?* Такими требованиями, согласно Хилгартнеру и Боску, являются *драматичность, новизна, соответствие культурным предпочтениям, доминирующим в обществе, и институциональным ритмам публичных арен*. Еще одно требование — соответствие конструирования социальной проблемы *интересам правящих элит*. «Большинство публичных арен, — указывают Хилгартнер и Боск, — находится под мощным влиянием господствующих политических и экономических групп. Вследствие этого определения социальных проблем, соответствующие их пристрастиям, имеют более высокие шансы на успех» (Хилгартнер, Боск 2000: 43). В то же время элиты «могут активно противодействовать тем или иным определениям проблем, предавая некоторые вопросы политически обеспечиваемому забвению» (Хилгартнер, Боск 2000: 33).

Если применить модель публичных арен к анализу ситуации в российском обществе, то становится очевидной специфика конкуренции между социальными проблемами в России: соответствие конструирования проблем интересам властных элит имеет решающее значение. Даже когда возникает новая, драматичная ситуация, если ее появление в «повестке дня» идет вразрез с интересами правящих политических групп, то она, вероятнее всего, будет заблокирована на краю публичного дискурса. Примеров такого рода множество, начи-

ная со второй войны в Чечне с 1999 г. по настоящее время и заканчивая акциями протеста пенсионеров в начале 2005 г.

Наиболее простым приемом является замалчивание ситуации, табуирование той или иной темы. Однако, как указывает М. Эделман, такого рода блокирование конструирования социальных проблем, невыигрышных для элит, обычно не обладает значительной жизнеспособностью (Edelman 1988: 13). Более тонкими и, в конечном счете, более эффективными являются *стратегии депроблематизации ситуаций*, описываемые П. Ибаррой и Дж. Китсьюзом. Ибарра и Китсьюз используют в данном случае понятие «*контрриторические стратегии*», определяя их как дискурсивные стратегии противодействия характеристикам той или иной ситуации, предлагаемым теми, кто конструирует социальную проблему. «Контрриторика, — отмечают они, — блокирует либо выделяемые характеристики условия, либо призыв к действию, либо и то, и другое» (Ibarra, Kitsuse 2003: 34).

Ибарра и Китсьюз указывают на два класса контрриторических стратегий: 1) «сочувствующую» контрриторику, признающую полностью или частично проблематичный статус ситуации, но в сущности блокирующую требование исправить ее; 2) «несочувствующую» контрриторику, не принимающую ни предлагаемые характеристики и оценки ситуации, ни предлагаемые средства ее исправления. «Сочувствующая» контрриторика в свою очередь включает в себя пять стратегий. Первой является *натурализация* — стратегия, при которой принимается оценка ситуации, предлагаемая теми, кто конструирует проблему, но в то же время отвергается призыв к действию посредством представления самой ситуации в качестве неизбежной. «Выдвигающим утверждения-требования могут ответить: «Ну, что вы ожидали? Конечно, обществу свойственно насилие, мир всегда был и будет местом вражды» (Ibarra, Kitsuse 2003: 34). Ибарра и Китсьюз добавляют: «Если условие — это пример «естественного состояния» мира или того, что «неизбежно» предполагается ситуацией, тогда призывы к исправлению ситуации в конечном счете наивны» (Ibarra, Kitsuse 2003: 34). Вместе с тем они отмечают рискованность игры с использованием такой контрриторики: игрок рискует получить ярлык «циника» или «пессимиста», а эти ярлыки приобретают негативный оттенок, когда применяются к определенным категориям людей в определенных обстоятельствах, например, к политикам во время избирательных кампаний (Ibarra, Kitsuse 2003: 34). Вторая стратегия — контрриторика *затрат, связанных с исправлением ситуации*, — заключается в утверждении, что следует примириться с проблематичным условием, а не исправлять его посредством предлагаемых мер, поскольку «и то, и другое зло» или потому, что провозглашаемые «выгоды» не компенсируют «затрат». Согласно Ибарре и Китсьюзу, на использование этой контрриторики часто указывает выражение «драконовские меры» — оборот речи, приравнивающий предлагаемые средства либо к неблагоприятной недалновидности, либо к безжалостному наказанию, либо и к тому, и к другому. Третья стратегия «сочувствующей» контрриторики — *декларация бессилия* — предполагает проявление морального сочувствия и в то же время указание на истощение имеющихся ресурсов, не позволяющее справиться с ситуацией. На уровне индивидов это может быть ссылкой на нехватку времени, энергии или власти для того, чтобы решать проблему. Данная стратегия может включать в себя также конструирование шкалы приоритетов: «да, расизм — это проблема, но все попытки по-

кончить с ним, пока существует классовое угнетение, тщетны» (Ibarra, Kitsuse 2003: 35). На институциональном уровне может заявляться, что бюджет слишком ограничен для того, чтобы попытаться что-либо изменить. Однако те, кто заявляет о своем бессилии что-либо предпринять как на уровне личных, так и на уровне институциональных возможностей, могут быть обвинены в лицемерии и вызывать недоверие. Чиновники, в свою очередь, могут стать объектом утверждений-требований, то есть конструироваться в качестве проблемы в связи с самим декларируемым бессилием (Ibarra, Kitsuse, 2003: 35). Четвертую «сочувствующую» контрриторическую стратегию Ибарра и Китсьюз называют *перспективизацией* (perspectivizing). Она заключается в утверждении, что объяснение, предлагаемое людьми, которые конструируют проблему, это всего лишь их «взгляд» на положение дел, отличающийся от самого положения дел. Иными словами, утверждение-требование представляется как не более чем мнение. «Используя выражение «Вы имеете право на свое мнение», лицо, противодействующее конструированию социальной проблемы, признает право людей, выдвигающих утверждения-требования, участвовать в процессе создания социальной проблемы и в то же время ограничивает это участие, указывая на то, что это вопрос мнения, и вовсе не обязательно придерживаться таких же взглядов или поддерживать призыв к исправлению ситуации» (Ibarra, Kitsuse 2003: 35–36). Перспективизация, как указывают Ибарра и Китсьюз, это, в сущности, обыденная форма релятивизма. Если люди, выдвигающие утверждения-требования, настаивают, что подобная релятивизация безнравственна, они рискуют быть обвиненными в нетерпимости к иным мнениям. Наконец, пятый контрриторический стиль этого класса — *критика тактики*. В данном случае критик соглашается с предлагаемой характеристикой условия, но возражает против средств, используемых людьми, выдвигающими утверждения-требования. Примером может быть следующее высказывание: «Да, женщины угнетены, но означает ли это, что феминистки должны быть столь воинствующими и резкими в обнаружении этого факта?» (Ibarra, Kitsuse 2003: 36) Другой пример — осуждение противниками аборт взрывов в клиниках, совершаемых «маргинальными элементами» данного движения. Ибарра и Китсьюз отмечают, что из всех «сочувствующих» контрриторических стратегий эта стратегия может вызывать наименьшую враждебность со стороны людей, конструирующих социальную проблему, поскольку «противник» выражает как симпатию в отношении попыток проблематизации, так и готовность обсуждать тактику.

Другой класс контрриторических стратегий — «несочувствующая» контрриторика. Первую стратегию такого рода Ибарра и Китсьюз называют *антитипизацией* (antipatterning). В данном случае заявляется о том, что утверждение-требование «на самом деле» не является описанием полномасштабной социальной проблемы, а относится к тому, что можно назвать «отдельными инцидентами». Вторая стратегия данного типа — *опровергающие истории* (telling anecdote) — предполагает дискредитацию утверждения-требования посредством приведения примеров, которые показывают, что обобщения, предлагаемые теми, кто конструирует проблему, вызывают подозрение. Например, в ответ на утверждение о том, что «эти улицы небезопасны для ночного пешехода», может быть сказано: «Я хожу по этим улицам в ночное время уже много лет, и со мной ничего не случилось». Или утверждение, что курение — это проблема, поскольку вы-

зывает рак, может быть встречено следующим образом: «Мой дед выкуривал по две пачки сигарет в день и дожил до 80 лет» (Ibarra, Kitsuse 2003: 37). Согласно Ибарре и Китсьюзу, особенно подвержены нападкам с использованием данной стратегии утверждения-требования, сформулированные на языке научных обобщений. При использовании третьей стратегии — *контрриторики неискренности* — лицо, противодействующее конструированию социальной проблемы, заявляет, что предлагаемая характеристика условия подозрительна, поскольку у того, кто выдвигает утверждения-требования, имеется своя «скрытая повестка дня». Конструирование социальных проблем представляется всего лишь средством продвижения в карьере, обретения власти, статуса или денег. Четвертая «несочувствующая» стратегия — *контрриторика истерии* — предполагает указание на то, что моральные суждения людей, конструирующих проблему, не основываются на «здравой» оценке ситуации, а находятся под влиянием «иррациональных» или «эмоциональных» факторов. «Контрриторика истерии описывает людей, конструирующих социальную проблему, как членов определенной социальной категории, а затем отклоняет их утверждения-требования как «типичные» выражения «либералов с истекающими кровью сердцами», «ограниченных религиозных фундаменталистов», «свихнувшихся инвайронменталистов» и т. д.» (Ibarra, Kitsuse 2003: 38). Ибарра и Китсьюз отмечают также: «Независимо от того, является контрриторика сочувствующей или нет, все эти стратегии представляют собой способы формулирования ответа на утверждения-требования, и общим для всех является формат “да, но...”» (Ibarra, Kitsuse 2003: 38).

Типология Ибарры и Китсьюза позволяет идентифицировать использование тех или иных депроблематизирующих стратегий. Так, Президент РФ В. Путин инициировал использование контрриторической стратегии неискренности в отношении общественных организаций, конструирующих различные социальные проблемы, заявив в своем Послании Федеральному собранию РФ 26 мая 2004 г.: «Для части этих организаций приоритетной задачей стало получение финансирования от влиятельных зарубежных фондов, для других — обслуживание сомнительных групповых и коммерческих интересов, при этом острейшие проблемы страны и ее граждан остаются незамеченными. Должен сказать, что когда речь идет о нарушениях фундаментальных и основополагающих прав человека, об ущемлении реальных интересов людей, голос подобных организаций подчас даже не слышен. И это неудивительно: они просто не могут «укусить руку», с которой кормятся» (Путин 2004). Вслед за Путиным данная стратегия в течение последних двух лет неоднократно использовалась в отношении правозащитных организаций чиновниками, представителями силовых структур и подконтрольными властям журналистами. Например, 11 декабря 2005 г. в программе «Воскресное время» Первого канала был показан тенденциозный сюжет о правозащитниках, приехавших в г. Благовещенск Республики Башкортостан оказывать юридическую помощь людям, которые пострадали в результате насилия со стороны местной милиции в декабре 2004 г. (в течение нескольких дней были избиты несколько сотен человек), и проблематизировавших данную ситуацию нарушения прав человека. В сюжете заявлялось, что руководство правозащитного движения «За права человека» *«больше заботится не о жертвах произвола благовещенских милиционеров, а об отработке некоего заказа»* (Верницкий 2005).

А в программе А. Мамонтова «Специальный корреспондент. Шпионы», вышедшей в эфир телеканала «Россия» 22 января 2006 г. и посвященной «разоблачению» сотрудников британского посольства в Москве, которые якобы получали разведывательную информацию с помощью контейнера-камня, прямо заявлялось: *«Главное даже не в этом, а в том, что один из британских дипломатов, вернее шпионов, оказался связан с некоторыми российскими неправительственными общественными организациями»*. Характерен общий вывод, сделанный в конце программы: *«Неправительственные организации нужны как контроль общества за властью и чиновниками... [Но] контроль за властью должен осуществляться людьми неподкупными, которые радеют за интересы своей родины, а не чужой страны»* (Мамонтов 2006).

Другая распространенная контрриторическая стратегия, применяемая властной элитой, — стратегия антитипизации. Ее использовал, в частности, министр обороны РФ С. Иванов, реагируя на утверждения-требования в отношении насилия в российской армии: *«Я утверждаю, что в 80 процентах частей и соединений Вооруженных сил дедовщины нет, потому что там нет вообще правонарушений»* (Иванов 2005).

Разновидностью стратегии антитипизации является индивидуализация причин социальной проблемы. Представители Министерства обороны России нередко объясняют насилие в российской армии, осуществляемое одними военнослужащими в отношении других, личными особенностями призываемых людей (уголовное прошлое, низкий уровень образования, психическая неуравновешенность), обосновывая тем самым необходимость отмены существующих отсрочек. Такого рода объяснения и вытекающие из них суровые наказания виновных в тех редких случаях, когда нанесение увечий военнослужащему или его смерть становятся общеизвестными, уводят внимание общественности от того факта, что так называемая «дедовщина» — это системное явление, обладающее функциональной значимостью в российской армии (офицеры делегируют часть своих полномочий военнослужащим более раннего призыва, которые обеспечивают порядок и дисциплину и в силу этого обладают властью над солдатами более поздних призывов). Например, в случае с Андреем Сычевым, который в результате издевательств со стороны других солдат в Челябинском танковом училище лишился обеих ног, официальные представители Министерства обороны в январе и феврале 2006 г. информировали общественность о санкциях в отношении начальника училища и непосредственных «виновников» происшедшего, не признавая типичности данной ситуации насилия для российской армии в целом.

В противовес попыткам сконструировать проблему насилия в российской армии используется также стратегия опровергающих историй, когда общественности показывают «образцовые части», где, как утверждается, нет «дедовщины». В частности, сообщения о таком симптоматичном явлении, как регулярные побеги военнослужащих из воинских частей с оружием в руках, которые часто сопряжены с убийствами и самоубийствами, средства массовой коммуникации, подконтрольные властной элите, нередко сопровождают репортажами об «успешном» реформировании российской армии, ее переводе на контрактную основу, учениях, испытаниях нового оружия. Например, 5 января 2003 г. в программе «Время» на Первом канале был показан сюжет об оставлении воинской части

железнодорожных войск в Ленинградской области (Мга) группой военнослужащих в количестве 24 человек, обратившихся в Комитет солдатских матерей Санкт-Петербурга и заявивших об издевательствах и побоях со стороны офицеров. Программа «Время»: *«Данные о происшедшем в воинской части 01375 пока неточные. Одни сообщают о тридцати сбежавших, другие о двадцати четырех. Солдаты, сумевшие добраться до петербургского комитета солдатских матерей, говорят, что издевательства офицеров терпели четверо суток. Все началось в новогоднюю ночь, когда один из командиров ворвался в помещение третьей роты и начал стрелять из газового пистолета. Потом солдат выгоняли на плац и в тридцатиградусный мороз заставляли выполнять упражнения «упал – отжался». Затем допросы с пристрастием. Избивали так сильно, что двоих пришлось госпитализировать. Сейчас они в местной больнице. С журналистами общаться отказываются, боятся появляться перед камерами, закрываясь одеялами и гимнастёрками. Дежурный врач говорит, что уже привык принимать пострадавших из ближайших воинских частей с отбитыми почками и многочисленными ушибами. Информация о случившемся пришла из комитета солдатских матерей. В него успели обратиться лишь несколько бежавших. Остальных перехватили – кого на станции Мга, кого — уже в Питере. Солдатские матери уже заявили, что будут добиваться распределения этих военнослужащих по другим частям»* (Массовый побег... 2003).

Характер этого первого сообщения драматичен и свидетельствует о негативном, осуждающем отношении к офицерам (виновники происшествия) и сочувственном к солдатам (жертвы). Солдаты «сумели добраться» до комитета солдатских матерей, но не все — остальных «перехватили»; «издевательства офицеров терпели четверо суток»; один из командиров «ворвался... и начал стрелять»; солдат «выгоняли на плац и в тридцатиградусный мороз заставляли выполнять упражнение»; их «избивали так сильно, что двоих пришлось госпитализировать»; наконец, дежурный врач говорит, что «уже привык принимать пострадавших из воинских частей с отбитыми почками и многочисленными ушибами».

Однако следующим сюжетом данной программы («историей», опровергающей предположение о систематическом характере насилия в российской армии) был сюжет о подготовке профессиональных военных для службы по контракту в Рязанском институте ВДВ. Можно предположить, что репортаж из Рязани был показан для того, чтобы нейтрализовать негативный, критический по отношению к российской армии характер предыдущего сообщения. *«К службе в контрактной армии курсант Юрий Хромой готовит себя с первого курса. Совсем скоро, говорит, в войсках будут профессионалы, с них и спрос будет больше. Будущий офицер отлично водит боевую машину десанта и, имея при себе лишь плащ-палатку, может заночевать в лесу в любой мороз. На полигоне проходят занятия по тактике. Курсанты отрабатывают захват укрепленного объекта. Работают быстро и небольшими группами — двойками и тройками. Это и есть так называемая «адресная спецоперация» — основа современного боя. Быстрая атака, уничтожение противника и возвращение домой. Полковник Васин, как и большинство преподавателей института, служил в так называемых «горячих точках».*

Говорит, что солдат-срочник, конечно, хороший вояка, но лучше все же работать с профессионалами. Военный должен полностью отдавать всего себя работе. Сергей Васин, старший преподаватель кафедры тактики: «Для этого нужно создать элементарные условия жизни, быта, деятельности военнослужащего, чтобы он не думал о семье и других проблемах, а посвятил себя, всю свою жизнь непосредственно служению армии и родине». Впрочем, о квартирах и зарплатах думают, в основном, военные постарше — нужно о семье заботиться. Молодых десантников пока волнует только учеба, военная дипломатия и рукопашный бой. Будущие офицеры-контрактники могут уложить сразу несколько противников, но предпочитают без повода не показывать силу. Создание контрактной армии, конечно, сложное дело, считают в институте. Но десантники привыкли быть там, где труднее» (В российской армии... 2003).

Это сообщение совершенно не соответствует принципам отбора новостей — в данном случае нет события, т.е. информационного повода. Тем не менее, сообщение включают, несмотря на всю интенсивность конкуренции между новостями, в главную информационную программу Первого канала.

Стратегию антитипизации нередко используют российские чиновники и в отношении утверждений о коррумпированности органов власти. Так, отвечая на вопрос о практике «отмазки от армии», который был задан в эфире радиостанции «Эхо Москвы в Казани» 27 декабря 2005 г., военный комиссар Республики Татарстан Р. Мустаев опроверг утверждение о том, что взяточничество в военкоматах — это «системное явление», сообщив, что имеют место «единичные случаи». А в ответ на вопрос социолога об отношении к данным ИНДЕМа о коррупции в военкоматах военный комиссар заявил: *«Для того чтобы все это понять, нужно увидеть. Поэтому данные всех этих фондов, они требуют практического подтверждения. Пусть он [социолог] фактом это все докажет, преподнесет нам. А так пока опять все на словах. Я, например, в той же степени социолог, как и он. Я четыре года тому назад стал кандидатом социологических наук».* Очевидно, что в данном случае использовалась также стратегия перспективизации.

Характерным обстоятельством является то, что российские чиновники склонны использовать в отношении попыток проблематизировать насилие в армии и коррупцию «несочувствующие» контрриторические стратегии.

Другие стратегии контрриторики — натурализация и выстраивание шкалы приоритетов (утверждение о том, что другие вопросы являются более важными) — использовались М. Леонтьевым в его комментарии на радиостанции «Эхо Москвы» гибели 30 августа 2003 г. подводной лодки К-159 с девятью моряками на борту, затонувшей при буксировке на утилизацию:

«Как это ни странно говорить, но это совершенно банальный случай, абсолютно банальный, можно сказать, рабочий, рутинный случай. Непонятно только, почему действительно там было столько народу в этой лодке. Но вообще, в действительности буксировка в этих широтах и понтонах, и если это в плавучем доке делается, это всегда страшный риск, всегда. Я только недавно разговаривал с корабельщиками, которые говорили, что они всегда, когда подписывают документы по буксировке, они

всегда думают, сядут они или не сядут. Потому что это всегда риск, и, в общем, ничего в этом удивительного нет, особенно в условиях шторма и так далее. Понятно, что виноватые там будут, и их искать не надо, они в штатном расписании обозначены, виноватые, к сожалению, и будут отвечать. Что хотелось бы в связи с этим сказать, вот если сейчас кто-нибудь начнет в связи с этим вспоминать «Курск» и вкаты, это абсолютный повод получить по харе, абсолютный повод, потому что вообще политическое мародерство у нас стало страшно модным, но за это надо бить, уже давно пора. Что очень жаль, что люди в действительности гибнут в прямом смысле за металл. То есть за черный вторичный металл, а не за Родину и за какие-то великие задачи. Вот наш командующий господин Куроедов, который, кстати, говорят, что он контуженный «Курском», всей этой ситуацией, он недавно объявил, что Россия больше не будет строить судов океанского класса, и вообще теперь у нас главная задача — охрана территориальных вод, каботажное плавание и так далее. Великая страна, которая не ставит перед собой амбициозных задач, я сейчас про геополитику не говорю, про какие-то там угрозы и опасности, а просто, если великая страна не ставит перед собой амбициозных задач, она не может решить никаких задач. Зря, жалко гибнуть зря» (Леонтьев 2003).

Одним из направлений дальнейшего развития конструкционистского подхода в его прикладном варианте — как технологии конструирования социальных проблем и депроблематизации ситуаций — может быть разработка стратегий «третьего порядка»: приемов нейтрализации уже контрриторических стратегий. Так, контрриторической стратегии натурализации, т. е. утверждениям о том, что та или иная ситуация «естественна» и «неизбежна», можно противодействовать посредством приведения данных, опровергающих «естественность» сложившегося положения дел. Такими данными могут быть сведения о ситуации в других регионах или обществах. Скажем, в ответ на утверждения о том, что около 35 тысяч смертей ежегодно в результате ДТП в России — это неизбежная плата за технический прогресс, в частности, за использование автомобилей, или о том, что коррупция неизбежна, поскольку «такова человеческая природа», можно привести данные о смертности в ДТП в других обществах, где автомобилей и ДТП гораздо больше, чем в России, а смертность ниже или на том же уровне, или данные о различных уровнях коррумпированности в разных странах. Например, в США в 2003 г. в дорожно-транспортных происшествиях погибли 42643 человека (Car accidents 2005), а в России — 35602 человека (Общее количество ДТП... 2004) при колоссальной разнице в количестве автомобилей, количестве ДТП (204267 в России в 2003 г. и около 6328000 в США), протяженности автодорог, численности населения в США и России.

Контрриторика затрат, связанных с исправлением ситуации, может нейтрализоваться посредством аргументов, показывающих, что в дальнейшем затраты на исправление ситуации будут несоразмерно большими. Декларация бессилия является наиболее уязвимой стратегией и, как указывают Ибарра и Китсьюз, может проблематизироваться вопросами о компетентности и соответствии занимаемой должности лиц, заявляющих о своем бессилии. Критика тактики не требует какого-либо противодействия сама по себе, в данном случае необходи-

мо убеждать оппонентов в эффективности и приемлемости используемых средств конструирования социальной проблемы. Перспективизацию, т.е. представление утверждений-требований как «субъективного мнения», а также использование такой стратегии, как контрриторика истерии, можно предупредить на первоначальном этапе конструирования социальной проблемы, используя по мере возможности научные данные, оценки экспертов, статистику и в результате придавая своей риторике характер «обоснованности» и «объективности».

Стратегией противодействия антитипизации является использование, если это возможно, репрезентативных данных о распространенности (масштабности) проблематизируемой ситуации. Например, «антитипизирующим» заявлениям российского министра обороны о 80 процентах частей, в которых нет «дедовщины», можно противопоставить данные комитетов солдатских матерей о повсеместности насилия в воинских частях или результаты количественных социологических исследований — опросов людей, демобилизованных после прохождения срочной службы. При этом необходимо привести убедительные доказательства того, что эти данные являются достоверными. Стратегия опровергающих историй может нейтрализоваться указанием на то, что примеры не являются доказательством. Существование опровергающего примера не означает, что проблематизируемая ситуация не является распространенной. Данная контрриторическая стратегия нарушает правила логики, в частности, правила индуктивных умозаключений. Открытие существования черного лебедя опровергает утверждение «Все лебеди белые», но не утверждение «Подавляющее большинство лебедей — белого цвета». Показательно, что в качестве «истории», «опровергающей» утверждение о повсеместности насилия в российской армии, чаще всего используется пример только одной части — Рязанского института ВДВ. Что касается контрриторики неискренности, то противодействие данной стратегии представляется наиболее трудной задачей. Активистам социальных движений, правозащитникам, представителям инициативных групп, конструирующих какую-либо социальную проблему, следует изначально принимать во внимание возможность использования данной стратегии и продумывать свою реакцию на нее, в частности, быть готовыми инициировать судебные разбирательства по вопросам защиты чести и достоинства, требовать опровержений выдвигаемых обвинений в средствах массовой коммуникации, обеспечивать свою прозрачность в плане источников финансирования и т. д.

В любом случае очевидно, что легче предупредить использование контрриторических стратегий, чем нейтрализовать их постфактум.

На наш взгляд, конструкционистский подход в таком теоретико-прикладном варианте может сыграть важную «рефлексивизирующую» роль, позволяя раскрывать приемы конструирования повестки дня властными элитами и тем самым способствуя формированию более дистанцированной и критической позиции общественности по отношению к действиям властей, навязывающих свою проблематику и блокирующих альтернативные варианты определения ситуации. Кроме того, обозначенные выше стратегии противодействия контрриторике могут способствовать более эффективному конструированию различных социальных проблем.

Литература

- В российской армии готовятся к переходу на контрактную основу // http://www.1tv.ru/owa/win/ort6_main.main?p_news_title_id=50091 (05.01.2003)
- Верницкий А. Правозащитники расследуют милицейскую операцию в Благовещенске. Изнанка кампании // http://www.1tv.ru/owa/win/ort6_main.main?p_news_title_id=84010 (11.12.2005)
- Иванов С. Мирное бремя: (беседа с министром обороны РФ С.Б. Ивановым (записала Н. Калашникова) // Итоги. 2005. 11 апреля.
- Леонтьев М. Гибель подлодки К-159 // <http://www.echo.msk.ru/comments/archive/1045.html> (31.08.2003)
- Мамонтов А. Специальный корреспондент. Шпионы // <http://www.rutv.ru/tvp.html?id=107011&d=0> (22.01.2006)
- Массовый побег солдат-срочников в Ленинградской области // http://www.1tv.ru/owa/win/ort6_main.main?p_news_title_id=50051 (05.01.2003)
- Общее количество ДТП, число погибших и раненых за 2003 г. // <http://www.gibdd.ru/id4/1214.gpml> (31.01.2004)
- Путин В. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации // http://president.kremlin.ru/appears/2004/05/26/2003_type63372_71501.shtml (26.05.2004)
- Спектор М., Китсьюз Дж. Конструирование социальных проблем // Контексты современности — II: Хрестоматия / Сост. и ред. С.А. Ерофеев. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2001.
- Хилгартнер С., Боск Ч.Л. Рост и упадок социальных проблем: концепция публичных арен // Средства массовой коммуникации и социальные проблемы: Хрестоматия / Пер. с англ.; сост. И.Г. Ясавеев. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2000.
- Ясавеев И.Г. Конструирование «повестки дня»: социальные проблемы российского общества в новостях федеральных телеканалов // Ученые записки Казанского государственного университета. Гуманитарные науки. 2006 (в печати).
- Ясавеев И.Г. Конструирование социальных проблем средствами массовой коммуникации. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2004.
- Car accidents // <http://www.car-accidents.com/pages/stats.html> (17.05.2005)
- Best J. Social problems // Handbook of symbolic interactionism / Ed. by L.T. Reynolds, N.J. Herman-Kinney. Walnut Creek, CA: AltaMira Press, 2003. Pp. 981–996.
- Edelman M.J. Constructing the political spectacle. Chicago: University of Chicago Press, 1988.
- Hilgartner S., Bosk C.L. The rise and fall of social problems: a public arenas model // American journal of sociology. 1988. Vol. 94. No 1. Pp. 53–78.
- Ibarra P.R., Kitsuse J.I. Claims-making discourse and vernacular resources // Challenges and choices: constructionist perspectives on social problems / Ed. by G. Miller, J.A. Holstein. Hawthorne, N.Y.: Aldine de Gruyter, 2003. Pp. 17–50.
- Loseke D.R. Thinking about social problems: an introduction to constructionist perspectives. 2nd ed. Hawthorne, N.Y.: Aldine de Gruyter, 2003.
- Spector M., Kitsuse J.I. Constructing social problems. Menlo Park, Calif.: Cummings, 1977.